«. . . . Очистился до нага, перстни на руке мешают, ногавицы тяжело носить, портки, и ты их на пиво меняеш . . . . . всякому у себя велишь пити, а на завтреи и самому будет просити . . . . . рукоделье заложил еси и около кабака часто ходити извыкл еси и глядети прилежно ис чюжих рук извыкл еси . . . . . пропився в раздранные ризы облечется. На кабак поити не с чем, даром не дадут, заложить нечего . . .»

Та же бедность у него и дома: «ни единыя ризы в дому оставити . . . на ветр живот свой развеяша . . . дом потешен, голоду и холоду изнавешан, робята пищать, ести хотят, а мы право божимся, что и сами не етчи ложимся».

Пропившийся пьяница, как один из участников «стада» ярыжных, который готов льстить каждому, кто достанет ему вина, рисуется в нашем памятнике в крайне реалистических тонах: «для ковша душу свою топиш, пьющему потакаеш, льстиш, вежлив ся твориш пред ним, огонь у ярыжных из рук рвеш, его осужаешь, не гораздо светиш, пропоицу садиш и место ему одуваеш, чтоб ему сесть седалища не изгрянити, избу мятеш . . . . , а как его опьеш, так ты, что бес, на старые полати скакнеш, а сам молвиш: коли, брате, денег нет ничево, а в старые заклады не верят, поди к нам на полати, и приставай к нашему стаду . . . привыкай к побоям, поститися научись». Или вот грустные воспоминания самого пьяницы: «Днесь есми был пьян, не помню, как с кабака свели, в мошне было денег алтын десять, то все вычистили, и сказывают, что со многими бранился, а с иными дрался, того я не помню всего. А ин проповедует: яз тебя пьяние был, весь переблевался, и в калу перевалялся, дошел до заходу, тут и спал, пробудился, шед в полночь на реку умылся, ... яз всех пьяние был, пришед домов, жену свою перебил, детеи своих розгонял, суды все притоптал, не ис чего стало пити, ни ести, и купити нечем».

В уста этого пьяницы вложено грустное признание: «валяюся с похмелья, жадает ми душа пити . . . умилно к целовалнику вопию: помилуи мя похмелнаго, как будет, хотя вдвое возми, не умори мене напрасно». Этот питух «оголя скачет, белые руки в роте греет, с ярыжными спознался, и на полатях в саже повалялся, взявши кошель и под окны пошел . . . . просит денешки на чарку». Пропивши свое, не довольствуясь добровольными подачками, пьяница идет на воровство: «пропоица день за печью лежит свернувся, яко пес голодом мрет, а в ноче . . . . у пьяных мошны холостиш . . . , прутье терниш . . . на полатях смышляеш, как бы кого облупити». Это настолько обычное явление в кабаке, что автор говорит о нем, как о своеобразном кабацком законе: